

Ника Мерняева

BAD ANGEL

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Сборник Рассказов

18+

Ника Черняева

Vad angel. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черняева Н.

Bad angel. Сборник рассказов / Н. Черняева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07104-9

Книга представляет собой сборник разножанровых рассказов. Автор вводит читателя в загадочный мир мистики, увлекает приключениями девушки-киллера и заставляет переживать и радоваться вместе с героями рассказов о любви. Книга написана молодым автором и рассчитана на широкий круг читателей, которых, безусловно, не оставит равнодушными. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07104-9

© Черняева Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Bad Angel	5
Кофе – мой друг	14
Договор с раем	16
Ночь музеев	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Bad Angel

Алекс

– Люблю смотреть на закаты. Они намного значительнее восходов и почему-то всегда вселяют надежду. Это очень странно, день умирает, солнце катится за горизонт, и след его исчезает в сумеречном небе, а я умиротворённо наблюдаю эту красоту, думая о новом дне.

Новый день – новая жертва. Испугал я вас? Не надо меня бояться, я всего лишь начинающий журналист, и моя специфика – криминальные новости.

Мне 28, идеальный возраст для того, чтобы сидеть на хвосте у полиции и делать фотографии пострадавших, пока опергруппа не выгонит с места преступления. В моей профессии главное – быстро приехать и так же быстро свалить, ну и, соответственно, быстро передать отснятое. Поэтому я никогда не закрываю машину и никогда не надеваю верхнюю одежду. Зимой и летом я в свитере и джинсовой куртке. Быстро сфотографировал, сел и уехал. Так случилось и в тот самый вечер. Уехал, а через 5 минут заметил девушку, пригнувшуюся на заднем сиденье. Она заметила, что я её заметил.

– Не останавливайтесь, пожалуйста.

Губа разбита, лицо грязное, а может, это синяк, в темноте сложно рассмотреть. Очень молодая, лет двадцати, наверное. И красивая. В машине приторно пахнет земляникой. Духи или жвачка?

– Вам в больницу не надо?

– Нет, если можно, в аэропорт.

Проскакивает мысль: «Конечно, можно, я только для того здесь, чтобы начинающих шалав провожать в Шереметьево». Но, как дурак, перестраиваюсь и поворачиваю на шоссе Энтузиастов.

Девушка выходит у терминала С. Вижу её стройный силуэт и худые длинные ноги. Рваные колготки она сняла прямо в машине и выкинула в окно. Вряд ли в них есть смысл, хотя на улице зима.

Смотрю ей вслед и думаю, что мне её жаль. Кажется, она бежит от кого-то.

Домой приехал за полночь, долго ждал ДПС, меня протаранили сзади, когда я произвольно тормознул прямо на МКАДе. Мысль пронзила: «Как же она могла улететь без документов? Значит, заранее оставила сумку в камере хранения, значит, заранее готовилась, значит, она не жертва, она...»

До чего я люблю закаты... Солнце медленно тонет в океане, небо расцвечено небывало яркими красками, тихий прохладный ветерок освежает кожу. На столике бутылка пива, старая привычка заканчивать день этим напитком.

Она подходит сзади и обнимает меня своей тоненькой рукой, другая рука занята бокалом с ликёром. Это её любимый Bad Angel, приторно-розовый, земляничный. Это её запах.

– Как хорошо, что я тебя нашла...

Может быть, купить мольберт и краски – жизнь такая долгая, а закаты так прекрасны...

Вика

Солнце угасло. Воспоминанием о нём осталась лишь кровавая полоса на западе, но и она быстро сползала в океан. Сумрак окутывал кусты у входа в наше бунгало. Если посмотреть немного вдаль, видно, что внизу, у самой воды, начал собираться туман. Ночью он станет

плотным, и в нём будет невозможно разглядеть затаившегося до поры врага. Но я верю, что увижу восход солнца, начало ещё одного нового дня моей новой жизни.

Когда-нибудь я напишу обо всём, что случилось, но сегодня только проматываю отрывки событий. Возможно, позже, когда мне удастся отпустить часть моей жизни, я стану другим человеком...

Я знала, что он приедет вслед за опергруппой, пропустить убийство криминального авторитета молодой и амбициозный журналист не мог. Его привычка держать дверь машины открытой была мною подсмотрена раньше. Несколько раз я встречала этого симпатичного парня и всегда оставалась незаметной.

Сделав контрольный выстрел: «Папа, я всё же буду по тебе скучать», я поднялась этажом выше. Дверь на чердак была открыта ещё утром, пожарная лестница проверена. Путь к отступлению готов. Оставалось только сесть в его машину. Зная такой тип молодых мужчин, попасть в аэропорт было несложно.

В ячейке камеры хранения лежали документы, деньги и одежда. То, что мне было нужно, и за что я заплатила сполна почти десятью годами жизни, можно было пронести в кулаке, никто внимания не обратит. Всего лишь маленькая ничтожная вещь, которую можно нечаянно потерять, выкинуть или сломать, но в ней моё будущее.

Когда мне было восемь, мой дед, отсидев одиннадцатилетний срок, вернулся домой. Несколько дней он провёл со мной и бабушкой, но такие люди живут по своим законам. В один из вечеров он ушёл и уже не вернулся. Я не сожалела о человеке, которого не знала, но бабушка стала таять на глазах. Через четыре месяца она умерла. Родителей в живых уже не было, поэтому я оказалась в детском доме.

Я пробыла там недолго. Мечтая, что меня удочерит нормальная семья, я сделала бы всё, стараясь стать им родной. В своих фантазиях представляла папу, маму и, может быть, сестёр или братьев. Всё случилось именно так, лишь немного иначе. Я бегом бежала в комнату, отведённую для встреч с потенциальными усыновителями, когда заведующая сказала, что ко мне пришли. Я очень спешила, представляя, что моя будущая мама увидит ещё какую-нибудь девочку, а та окажется симпатичнее и умнее меня.

Но в кресле сидел немолодой мужчина, подтянутый и сухой. Одет он был в хороший костюм и идеально причёсан. В своей жизни я не сталкивалась с людьми такого типа, он был не похож на отцов моих школьных друзей или на мужчин, живущих по соседству. Я спиной почувствовала опасность, она витала в воздухе. Помню, как меня спрашивали, согласна ли я на удочерение этим прекрасным человеком, помню, как заведующая заискивающе смотрела на Евгения Михайловича – так звали моего будущего отца. Ком в горле мешал говорить, но моё несогласие ничего бы не значило.

Документы оформили быстро. Формальностей и проверок будущих родителей, естественно, не было.

Ранним утром, в день отъезда в новую семью, мне принесли красивое платье. Это был первый подарок отца. Розовое, с пышной юбкой, отделанное какими-то ленточками и бантиками, оно совсем не подходило к моим коротко стриженным волосам и ужасной худобе. В новом платье, белых колготках и бордовых лаковых туфельках я вышла завтракать, чувствуя себя принцессой. Дети за столами завистливо косились и перешёптывались. Им казалось, что это и есть счастливый билет в будущее.

Когда ребенок уезжает в новую семью, в детском доме устраивают проводы. Я шла по коридору к выходу, где меня ждал отец. За его спиной маячил огромный амбал, на вид немного симпатичнее орангутанга. Отец улыбался, орангутанг тоже выдавливал из себя гримасу, похожую на улыбку. Воспитатели, нянечки, дети желали удачи, хорошей учёбы и слушаться новых родителей.

Евгений Михайлович протянул мне руку, она оказалась сухой и сильной. Мы вышли на крыльцо, почему-то захотелось плакать. Было тревожно.

Уже сидя в машине с отцом и смотря в окно на проплывающие дома и деревья, я думала, что не дам себя в обиду. Хотя бы тогда, когда вырасту.

Моим отцом стал криминальный авторитет, который был многим обязан деду. Именно из-за этого человека я осталась круглой сиротой. Таким образом, по каким-то своим моральным принципам, Евгений Михайлович решил отдать деду долг.

Первые годы моя жизнь была похожа на жизнь обычного ребенка. В семье Арсена – так братва называла Евгения Михайловича – ко мне относились хорошо. Жена Арсена, приятная, но равнодушная женщина, не обращала на меня особого внимания, так же, как и на своих родных сыновей.

После школы я была предоставлена сама себе. Но проводить время в своей комнате мне не нравилось. Наверное, я была злой девочкой. Домработниц шокировали мои игры с подаренными родителями куклами. Все куклы рано или поздно проходили через отрывание головы и попадали в мусорное ведро. Когда Лора, моя мама, тихонько говорила об этом отцу, он только пожимал плечами: «Это ребенок. Купи новую».

«Но это так странно для девочки. Совсем не играть в нормальные игры», – опять спокойно возражала Лора.

«Забудь. Лучше смотри за сыновьями. Они не играют в нормальные игры».

Близнецы были старше меня на два года, характер у мальчишек был материнский – спокойный и невозмутимый. Арсен пытался расшевелить ребят, но из этого ничего не выходило. Они ненавидели всё, что касалось физических действий, весь их день после школы проходил за компьютером. Если я рвалась из дома на улицу, где на огромных угодьях, огороженных трёхметровым забором, было столько возможностей для фантазий, беготни, прятков, то ребята почти не выходили из дома.

Иногда я, представляя себя шпионом, подслушивала и подглядывала за охранниками отца, которые слонялись по участку, ничего не делая. Иногда играла с собаками, иногда рисовала мелом на брусчатке. После художественного сеанса, когда я уходила домой, охранник тщательно смывал мои художества. Я ничего не имела против. Завтра будет новый день, и я заново нарисую свою историю. Так намного лучше, чем исправлять или дорисовывать вчерашние картинки. Это моя главная черта. Легче убить, чем исправить.

Арсен всё больше разочаровывался в наследниках своего криминального бизнеса, и тут его внимание привлекла я.

В семье моих новых родителей я жила уже четыре года. Худая, высокая и очень веснушчатая девочка беспрекословно выполняла всё, что от неё требовали, потому что ей это нравилось.

В моём расписании появились силовые упражнения, плавание, бег, потом стрельба. В загородном доме был оборудован тир, где частенько пристреливались гости Арсена. Первые дни я стреляла из пневматического оружия, видя успехи, мне выдали старый «Макаров» с затёртыми номерами. Стоило только догадываться о его истории. Теперь уже много лет моё любимое оружие – «Беретта 92» с глушителем. Это пистолет пока ни разу меня не подвёл. Это одна из заповедей моего отца. Пистолет как друг. Можно иметь разных партнёров, но доверять только одному. Тому, кого знаешь лучше других.

Жизнь менялась с удивительной быстротой. Но я всё ещё была ребёнком, не способным постоять за себя. Всё изменилось, когда в моей жизни появился дядя Миша. Это был реальный дядя Миша, майор в отставке, ставший начальником охраны моего отца. Не знаю, как он оказался в криминальном мире, до сих пор мне кажется, что это была не его «война». Дядя

Миша стал моим инструктором по боевому самбо. Заниматься со мной он не хотел, но Арсен, естественно, не принимал отказов.

Выбитые пальцы, ушибы грудины, разорванные связки и пара сотрясений мозга – далеко не все мои потери, но чем больше было внешних увечий, тем сильнее внутренне я становилась. Мои захваты были цепкими, удары точными, а взгляд на мир и на себя терпел полную перестройку. Только постоянно идя к новой цели, я могла свободно дышать. Всего лишь маленький винтик, но без меня конструкция не будет надёжной, и я отвечаю за каждый свой поступок.

Боль... Она уже ничего не значила. Физическая боль проходит, надо научиться терпеть. И я терпела. Я была очень старательна. Это моя врождённая черта – всё делать максимально хорошо, и подкреплённая трепетом перед отцом, она быстро сделала из меня «отличницу» боевой подготовки. Казалось, видя мои успехи, отец должен был относиться ко мне как к дочери, ведь я старалась именно для него. Но всё менялось в обратную сторону, поблажек и скидок на возраст больше не было. Раньше я слышала, как он общается со своими «бойцами», – теперь я становилась одним из них.

Пришло время отрабатывать вложенные в меня ресурсы. Помню первое задание. Надо пройти рядом с жертвой, мужчиной, который выходил из припаркованной машины.

Выстрелить почти в упор, выкинуть пистолет и уйти быстрым шагом оказалось легче, чем я думала.

Отойдя метров на сто, я почувствовала невероятную эйфорию, радость и бесшабашную уверенность в себе. Воздух был необычно свеж, кислород переполнял легкие и взрывал мозг. Адреналин, мощный прилив, не было сожаления и страха. Я справилась с миссией. Я полезна семье и отцу. Именно в тот день я впервые попробовала Bad Angel. Розовая бутылка открыта, аромат земляники стоит в комнате. Безо льда и сока, только приторная сладость ликёра. Мне 15 лет, и вся жизнь в моих руках.

Первый пробный акт оказался театральной постановкой. Примерно через час, когда я успокоилась, в мою комнату вошёл Арсен.

– Девочка, ты умница. Я горжусь тобой! – в его хриплом голосе слышалась такая отеческая теплота.

И много позже, достаточно было меня похвалить, я уже готова жертвовать собой ради трёх слов: «Девочка, горжусь тобой!»

Но в этот первый раз всё пошло иначе. Арсен прищурился, этот прищур был его улыбкой, по-другому он не умел.

– А теперь фокус! Хочу, чтобы с этого момента между нами было всё честно. Поэтому сейчас я тебя познакомлю с Тимофеем Ивановичем.

В дверь вошла моя сегодняшняя жертва. Тот самый мужик, которого я застрелила, он был совершенно жив и здоров. Что я испытала, невозможно описать. Всю гамму чувств.

– Ну что, малявка, – мужик обратился ко мне, – думала, грохнула дяденьку?

Я не могла ничего выдать. Стояла и молчала.

– Тимоха, ты ещё небо закоптишь! – Арсен повернулся ко мне. – Вот это была проверка. Если бы не выстрелила, я не стал бы сердиться, но сильно разочаровался. И грош цена была бы моему чутью. Но ты выстрелила, значит, я прав, что считал тебя дочерью. Не ошибся.

Он обнял меня так, как никто ни разу в жизни. В этот момент моя голова кружилась от переполнявшей меня любви к отцу или от ликёра. Сложно понять.

Я не всегда бралась за пистолет, иногда требовалось просто подсыпать что-то в баре, потом заботу о клиенте брали на себя уже другие люди. Меня не интересовало, что происходило дальше. Я научилась отфильтровывать информацию почти сразу, по-другому было нельзя, можно сойти с ума.

В 18 лет у меня появилась своя квартира. Это был не подарок, просто Арсен теперь не хотел, чтобы я близко находилась к его настоящей семье. Что касается любовных пережива-

ний молодых девушек, у меня их не было. Появилась квартира, появились молодые люди, и каждого я оценивала, видя насквозь. Ни один не выдерживал больше месяца, и я за них не держалась, смотря на секс как на возможность провести ночь не одной. Быть согретой и хотя бы на несколько часов поверить в искренность чувств.

Прошло 10 лет моей работы на семью. Без кавычек, ведь Арсен – мой законный отец. Я всё так же пью земляничный ликёр. После каждой «акции» улетаю на две-три недели отдыхать. Но возвращаюсь. Я получаю деньги, и это деньги на мои карманные расходы, так называет их мой отец со времён первых заданий. Меня не интересует шопинг в Милане, ночные клубы Ниццы, драгоценные побрякушки Арабских Эмиратов. Я не живу в дорогих отелях, у меня скромная машина, а в моей квартире ничего не изменилось за последние 7 лет. Но недавно я поняла: если не позабочусь о себе, моя жизнь будет недолгой. Мне нужна полная свобода и независимость, а это могут дать только большие деньги и отсутствие прошлого.

Рано или поздно киллер сам становится жертвой. Причин может быть много: боязнь, что я сдам заказчика, не справлюсь с поручением, меня опознают или задержит полиция. Любой из этих пунктов может стать моим приговором.

С каждой проведённой мной акцией Арсен всё меньше мне доверял. Это было странно. Если бы я не справилась хоть раз! Но я делала всё идеально. Всегда собранно и хладнокровно.

– Сколько живёт киллер? – однажды я задала этот вопрос Арсену.

– Иногда требуется залечь на дно и выждать время. Ещё пара акций, моя девочка, и уйдёшь в отпуск. Не волнуйся ни о чём. Мы контролируем ситуацию.

Но после двух дел было ещё третье. Прошёл почти год с обещания об отпуске.

Если не доверяют тебе, будь начеку. Я больше не доверяла отцу. Так же, как и он мне.

Уехать и исчезнуть навсегда, но без денег это сделать невозможно. Просто так меня не отпустят. Я видела, что происходит с теми, кто хотел выйти из банды. Иллюзий насчёт себя у меня не было.

Мне нужны деньги Арсена. Но по доброй воле он с ними не расстанется, а я получу пулю в лоб.

Решение пришло неожиданно легко. Один из сыновей моего приемного отца увяз в азартных играх. Делая ставки через интернет, он пользовался обычной кредиткой, пока игры были дозволенными. Но скоро его ум, требовавший постоянно чего-то нового и опасного, стал искать более страшные развлечения. Гены – это наследство, которое не скроешь, а его психика и характер были отцовскими.

Скоро он стал пользователем сети darknet, игры стали страшны в своей реальности, а ставки огромны.

Мои отношения с братьями были нормальными, в их глазах я не являлась сестрой, но не была и прислугой. Уважение отца давало мне моральный перевес.

Итак, начался сезон больших игр. Игроки были объявлены. Это были бегуны, загонщики и охотники. Требовалось сделать верные ставки и сорвать большой куш. Самое страшное, что живым в игре мог остаться только загонщик или охотник. А на бегунов ставки делали, лишь угадывая очерёдность их смерти.

Требовалась оценка игрока, и Роман, мой брат, обратился ко мне. Тогда я и узнала огромную сумму ставки.

Мы долго изучали бегунов, загонщиков и охотников. Через десять дней почти никого из них не останется в живых. Они умрут прямо на экране, многие мучительно.

Я убедила Романа в удаче. Но столько средств у брата не оказалось, деньги были в аппаратном кошельке Арсена.

Аппаратный кошелёк – это устройство для хранения электронных денег, которые очень удобно иметь для оплаты полулегальных услуг или покупок. Имя плательщика остаётся неизвестным. Кошелёк Арсена имел две степени защиты, ПИН-код и мнемоническую фразу.

Если завладеть кошельком было возможно, а ПИН можно было подобрать, то с фразой было хуже. 24 неизвестных нам слова, последовательность которых написана на бумажке и где-то хранится. Сейф отпадает. Но нельзя быть уверенной.

В сейфе Арсен держал сам электронный кошелёк. Глупо было бы спрятать рядом код.

Узнать, где отец хранит мнемонический код, можно одним способом – увидеть. Решение пришло быстро. Роман должен поставить микрокамеру в кабинете Арсена. Если повезёт, мы узнаем код, а возможно, и ПИН.

Я купила три камеры и отдала Роману, который смог расставить их в кабинете.

Теперь надо вынудить Арсена воспользоваться кошельком. Но как? Он очень редко использовал электронные деньги.

Дни летели, но решение не приходило, все варианты казались недостаточно беспроблемными.

Часто среди ночи я просыпалась в странной тоске, чувство безысходности давило как бетонная плита. Страх вылезал наружу. Мне было понятно, что больше так жить не смогу. Скорлупа стала мала, и через её створки пробивалась новая личность, женщина, которая хочет иметь дом, семью. Много лет меня настоящую уничтожали, учили только убивать. Я совершенствовалась, отточила мастерство, но поняла, что это не я. Либо убью я, либо убьют меня. Последний раз.

Сидеть в квартире и ждать чего-то было тревожно. Я одевалась и шла в людное место, чтобы не быть одной.

В один из вечеров мне захотелось пробежаться. Бежала легко, пока усталость и апатия вдруг не накрыли с головой. Спустилась в метро.

На платформе было пустынно. Только двое молодых парней тихо разговаривали, и я невольно прислушалась.

– Даже не сомневайся. Поднимем бабла и будем весь отпуск мутить в Еги или Турции. Только надо купить сейчас. В конце недели точно подорожает. Кто ввалит – сорвёт куш. А кто ступил, тот лох. Биткоин сливали за «так», кто знал, тот сейчас миллионер. Криптовалют много, но за эту я отвечаю.

Второй парень молчал. Видимо, не был настроен настолько серьёзно.

Я приехала домой и, плеснув в стакан ликёр, легла в ванну.

Разговор ребят вдруг вспомнился, заставив задуматься. Что-то подсказывало – в жизни нет случайностей.

Тема была неизвестна и зыбка, но я пришла к выводу, что подорожать должна валюта из десяти самых продаваемых.

Рассуждения в интернете о биржевых играх меня не интересовали. Игры в руках дельцов. А мне нужны факты и привязка к реалиям. Но валют много, и сделать точный прогноз сложно. Любую фальшь Арсен почувствует безошибочно.

На следующий день зашла в ювелирку. Серебро – моя слабость. Недорогие, но штучные украшения. Я знаю место, где такое продаётся.

– Девушка, покупайте, не думайте, – продавец наблюдал, как я кручу в руках массивный серебряный браслет. – Я вот недавно услышал, что Россия почти прекратила добычу серебра. Так что всё подорожает. Берите, тем более что вам идёт.

Серебро... Что-то я читала прошлым вечером. Лайткоины – тип криптовалюты, привязанный к серебру.

Звенья цепи сошлись. Теперь подкинуть идею Роману, а Арсен уверен, что сын – компьютерный и финансовый гений. Роман подскажет отцу идею отличного заработка. Перевод хранящихся у Арсена электронных денег в лайткоины с целью получения дивидендов будет отличной идеей и предлогом воспользоваться кошельком.

Уже на следующий день, Арсен проглотил наживку и перевёл большую часть хранившейся валюты в лайткоины.

Вечером мы с Романом просматривали видеозапись с камер. Отец достал из бюро пистолет Макарова. Символ другой жизни Арсена, которая однажды закончилась, – наградной пистолет. Лёгким движением он сдвинул костную накладку на рукояти и вытащил тонкую бумажку. Вот и мнемонический код!

Момент ввода ПИН-кода виден не был.

Ствол положен на место, ноутбук закрыт. На лице нет эмоций. Как всегда в последнее время.

Этот пистолет я видела только несколько раз. Однажды мне, маленькой девочке, отец дал выстрелить из него в качестве поощрения. Когда-то в очень пафосном государственном месте он был награждён этим оружием за честную и опасную работу. Наверное, Арсен всё ещё помнил этот день и человека, которым он был тогда.

– Послушай, мы никогда не сможем воспользоваться деньгами. Ввод неверного ПИН 3 раза блокирует кошелёк не на минуты или дни, а на годы! – орал на меня Роман, он был разочарован. – Ты понимаешь, мне нужны эти деньги, думай, сука, как узнать грёбанный ПИН! Мы уже до хрена раз посмотрели говнофильм про сумасшедшего старика!

– Тогда просто достань мне кошелёк, я найду способ добраться до бабла. Мы сделаем ставку, – в душе я улыбалась.

– Хорошо. Если ничего не выйдет, я расскажу отцу про тебя. Ты же хотела его ограбить. Мне всё равно ничего не будет.

В серую и промозглую субботу я сидела за столом в съёмной квартире. Было холодно. Холодно у меня внутри. Ледяное спокойствие. Розовая бутылка Bad Angel почти пуста.

А ждала его...

Роман передал мне кошелёк, который даже в сейфе не лежал. Украсть его не составило труда. Мой недалёкий брат не подозревал о запланированном мной финале.

Позвонила отцу. Кошелёк у меня, и это единственное, что нас сейчас связывает. Попробуй забрать, если сможешь.

Я знала – придёт сам. Адрес продиктовала.

Войдя, он сразу ударил, рыча от ярости. Наконец, мне видно его истинное лицо. Просто позволила себя ударить, один раз. Всего один.

Я почувствовала всю холодную жестокость стены. Но поднялась. В этот момент я навсегда утратила чувство странной благодарности, которое, несмотря ни на что, иногда испытывала. Наверное, до этого момента я в глубине себя всё ещё оставалась ребёнком-сиротой, ищущим семью.

Он направил на меня тот самый пистолет, с подарочной гравировкой. На секунду заколебался. Эта секунда стала моментом перед смертью. Мне хватило мгновения, чтобы сделать захват ногами, свалить его на пол, перехватить ствол и выстрелить.

Пока он хрипел на полу, захлебываясь собственной кровью, я спокойно рассматривала пистолет.

Теперь у меня в руках был ПИН, оставалось запомнить эти 4 цифры номера на рамке пистолета. Я не сомневалась, что смотрела именно на ПИН. Я всегда была догадливой девочкой. Путь к свободе открыт.

– Прощай, отец! Контрольный в лоб, как ты меня учил. Я твоя прилежная дочь.

Убрав бумажку и ещё раз проговорив про себя ПИН-код, я вышла из квартиры, поднялась на чердак и спустилась по пожарной лестнице.

Конечно, машина симпатичного журналиста была уже здесь. Ведь я сама позвонила в редакцию за 10 минут до прихода Арсена. Несколько полицейских машин уже стояли рядом с домом, но я опередила их.

Какой он милый, этот забавный мальчик. Сочувствие сквозило в каждом взгляде, который он бросал на меня, смотря в зеркало заднего вида.

В Шереметьево, зайдя в туалет, немного привела себя в порядок. По лицу расплылся синяк. Причесавшись и попив прямо из крана невкусную воду, вышла в зал. На глаза попался бутик «Этуаль». Хорошо, когда такой выбор пробников. Через 10 минут я была красоткой с вполне сносно замаскированным синяком.

Рейс объявлен. Следующая остановка Пальма-Де-Майорка.

Испания была выбрана мной не случайно. В этой стране очень легко купить и продать любую криптовалюту, а мой кошелек был полон.

Алекс

Убийство Арсена, многолетнего главы ОПГ, было резонансным. Расследование будоражило умы всех москвичей, от домохозяек до депутатов. Дорога журналистам в следственный комитет, обычно заказанная, здесь была совершенно открыта. И я наслаждался...

Я читал про неё, много и жадно. Представляя жизнь этой странной девочки, изучая и фантазируя.

Она стала моим наваждением. Моей героиней. Моим Робин Гудом.

Про то, что именно я увёз её с места преступления, я молчал.

Она знала меня, следила за мной не один день. Я понимал, почему. Я был тот журналист, который, сам того не зная, писал о её «заказах». Звёзды сложились, новое созвездие называлось Виктория. Следственная группа суежилась, неуклюже затаптывая следы, а она со стороны наблюдала за всем, с ледяным спокойствием киллера высшей квалификации. Оценивала каждое своё дело, анализировала, училась.

Мои дни превратились в ад, мои ночи стали бессонным мытарством. Сказать, что я в неё влюбился, я не мог. Разве можно любить двадцатилетнюю девушку-киллера, которую видел всего однажды и которая могла с лёгкостью меня убить, желая убрать последнего свидетеля.

Усталость последних месяцев, тоска и депрессия поглотили меня полностью. Скоро отпуск, уехать хоть на 10 дней. Забыться на каком-нибудь пляже, напиться, уснуть и обгореть так, чтобы в следующую неделю уже не выходить из номера. Только беспробудно пить местные напитки, от которых жутко болит голова.

Рекламная рассылка, получаемая ежедневно на электронную почту, бессовестно звала меня в путешествие. Чаще всего всплывало окно с рекламой тура на Майорку. Через неделю я уже понимал, что лучшего места для отдыха в мире нет. Сомневаться не приходилось, реклама мешала работать, постоянно вопя о красотах острова. Приторно солнечные пляжи, голубизна неба, жёлтые домики и горшки с цветами, это ли не рай? Я взял отпуск.

В первый же вечер она села за мой столик в баре, не снимая огромной жёлтой шляпы. Пёстрый, девичий сарафан оставлял открытыми худенькие смуглые плечи. Я, наконец, смог

рассмотреть её нежное и такое юное лицо. Тонкие черты, ровный, немного вздёрнутый нос, большие карие глаза и пухлые детские губы, на которых играла загадочная полуулыбка.

Проглотив солёный комочек, стоявший в горле, я силился что-то сказать, но она меня опередила.

– Кажется, здесь делают неплохой клубничный мохито. Закажешь?

Кофе – мой друг

Он перебирал струны гитары, сидя прямо на древней брусчатке. Длинные волосы падали на лицо. Рядом с гитаристом лежал раскрытый футляр, а в нём горсть монет.

Играл изумительно. Местные musico положили инструменты и тоже внимали, затаив дыхание. А он не смотрел на гриф, по которому бегали пальцы, на окружавшую толпу слушателей. Его взгляд витал где-то невероятно далеко, и лишь музыка была мостом, соединявшим с действительностью.

На последнем gasqueado мужчина тряхнул головой и вдруг резко заглушил струны. Повисла тишина, которая через мгновение разразилась шквалом аплодисментов и возгласами восхищения на всех языках мира!

– Gracias, amigos! Спасибо, друзья! – он поднялся и, молитвенно сложив ладони, поклонился толпе.

Это он! Тот, кого я ищу, проводя лето в поездках по Испании.

– Здравствуйте! – я осмелилась подойти и заговорить, – вы невероятно здорово играете на гитаре... для русского! Даже местные музыканты поражены вашим искусством!

Гитарист засмеялся, в голосе послышалась приятная хрипотца.

– Сергей! – он протянул руку.

– Надя! – я вложила свою руку в его ладонь.

– Надя! Какое родное имя. Вы надолго в Барселоне?

– Нет, всего пару дней задержусь. Не хотите выпить кофе со мной?

– С удовольствием. Кофе – мой друг, но я люблю заводить новых друзей. Чур, угощаю я! Надя, вы не поверите, но каждое лето я становлюсь чертовски богат!

Приглушённый свет выхватывал только детали. Длинные пальцы держат крохотную чашку эспрессо, и мы молчим. Но в этом молчании такая глубина моих ощущений...

Несколько человек подошли поздороваться. Его здесь знают, он частый гость.

– Как вам повезло! Наверное, надо любить музыку с детства, чтобы так играть?

– Есть один секрет: я играл сутками, когда мне было плохо. Не завидуйте моей виртуозности.

– Можно, завтра опять приду вас слушать?

– Конечно! Чтобы прийти, вам не нужно моё разрешение, но я буду очень рад. Кстати, на нас посматривают искоса. Вы слишком молоды, чтобы сидеть здесь с почти пятидесятилетним мужчиной, – он улыбнулся. – Может быть, расскажете, почему вы одна в Барселоне?

Я покачала головой. Не могу. Я ведь дала слово, и от него зависит душевный покой нескольких людей.

Самолёт приземлился уже час назад. Стою в зале ожидания и жду маму. А её всё нет. Не похоже на неё. Может, это из-за моей СМС? Мама ведь никогда до конца не верила, что я его найду.

Наконец, вижу в потоке идущих людей стройную женщину. Её нельзя не заметить.

Бегу обниматься. Мамины глаза цвета морской волны смотрят на меня с такой любовью, а прекрасные тёмные волосы рассыпались по плащу тяжёлой волной и щекочат мне нос. Слезы на моих глазах только из-за этой щекотки.

На улице моросит мелкий дождик. Это Москва, детка! Дождь здесь обычное дело в начале сентября. Садимся в жёлтое такси.

– Мапочка, я его нашла! Понимаешь!

– Надя, ты сейчас меня выслушай спокойно. Когда я рассказывала тебе про отца, я говорила не всё!

– Мам, это теперь не имеет значения, я видела его! Я знаю, почему ты его полюбила. И знаю, почему вы расстались. Я не рассказала ему, кто я. Это не важно, главное, что я его узнала!

– Ты знаешь не всё. Твой отец действительно был удивительным, талантливым музыкантом, непредсказуемым человеком. И я его очень любила. Но он умер, когда тебе было три года. Умер в пансионате для наркозависимых. Прости, я не могла тебе это сказать. Я хотела, чтобы у тебя была прекрасная легенда.

Тихо плачу! Мне хорошо было думать, что отец, так и не узнавший меня, играет под синим бархатом испанского неба, а его музыка будет ещё долго жить в узких улочках Старого города.

...Он убрал гитару в футляр. Это вторая ценность в его жизни. Первая – свобода! Он стольким пожертвовал ради этого! Хотя есть ещё кое-что. На старом фото, бережно хранимом в кармашке футляра, женщина с глазами цвета морской волны держит на руках маленькую девочку. Это его дочь. Он никогда её не увидит, но, играя, смотрит на синий бархат испанского неба и думает о ней.

Договор с раем

Всё началось с развесёлой встречи выпускников. Таня не часто выпивала, а тут напилась вусмерть.

Да и повод был. Девочки в модных платьях, на шпильках. Кто-то на своей машине, а кого любящий муж привёз. Только Танюша приехала одна и на трамвае. Настроение резко упало в минус.

Подливая сама себе коньяк и поставив ближе блюдо с красной рыбой, она отстранилась от жестокого и несправедливого мира. Кое-кто делал попытки присесть рядом, но Таня пресекала их недобрым взглядом, откровенным игнором и икотой.

Она не была хуже других в школе. Закончила 11 классов без троек, поступила в пединститут и тут встретила Костю.

Ох уж эти чувства. Сорвалась с учебы, поехала за Костей в Питер и через год вернулась. Не сложилось.

Результат: образование не получила, жильё съёмное, работает продавцом в сетевом магазине. Не уродина, не красавица. Обычная тридцатипятилетняя женщина без постоянной личной жизни.

Пьяной Танюше стало ещё больнее и горше, поэтому, уронив три стула, растолкав танцующих одноклассниц и едва не упав с лестницы, она нетвёрдой походкой поспешила к выходу.

На улице шёл мокрый снег с дождём, в свете фонарей грязная каша казалась не такой уж безобразной. Таня, испытывая большое желание протрезветь, вдохнула полной грудью свежий воздух и направилась через дорогу к остановке трамвая.

Визг тормозов, удар, и её земная жизнь внезапно закончилась.

Боли не было. Зрение постепенно возвращалось, и странное расплывчатое пятно обрело контуры.

Таня полулежала на белом диванчике, а над ней склонилось существо.

«Для мужчины лицо слишком бабское, без признаков растительности, а для бабы – сисек маловато», – метким глазом продавца с пятнадцатилетним стажем отметила Таня.

Крылья за спиной существа наводили на мысль о существовании ангелов.

«Театр, что ли?» – подумала Татьяна. Бесполость тоже наводила на мысль, что среда здесь божественная, и Татьяна, утвердившись в своей догадке, успокоилась.

– Дорогая Татьяна! Спасибо за ваш визит, но так как он не был запланированным и место вам не выделено, мы не сможем вас принять в ближайшие сорок три года, пять месяцев, шесть дней и три минуты. Мы будем вынуждены отправить вас обратно.

Танька сглотнула от такой несправедливости. Она всё ещё не знала, где находится, но прекрасно поняла, что в очередной раз её дурят.

– А-а, может быть, есть квота?

– К сожалению, последняя квота уже распределена. Раньше Нового года ничего не предвидится. Но там, сами понимаете, первоочередников устраиваем. Комиссия решает, если ново-прибывший поступил со следами опьянения или объедания в промежутке с 31 декабря по 8 января, тогда может претендовать на квоту. Травматики и дэтэпэшники не входят в список. Их и в обычные дни достаточно. А вы типичный дэтэпэшник... Разве что... – бесполой поднял глаза к небу, – есть одно дельце. Если поможете, я тоже в долгу не останусь...

Стены, пол и потолок вдруг превратились в большую воронку. В неё со страшной силой и быстротой стало затягивать Таню. Ещё мгновение – и она, почувствовав боль в бедре, открыла глаза.

Таня лежала на мокром грязном снегу, а над ней склонился молодой брюнетистый мужчина. В глазах страх.

– Фух, – выдохнул он, – живая! И пьяная! – почувствовал запах перегара.

Таня хотела сесть, но охнула от нестерпимой боли в затылке.

– Стой, лежи, сейчас скорую вызову.

– Не поняла, стоять или лежать, – передразнила Таня, – не трясись, отойду. Только подбрось до дома. Я ж грязная вся. На трамвае стыдно.

Парень помог Тане сесть в машину.

– Езжай потише, тошнит сильно.

До своего третьего безлифтового этажа она еле доковыляла.

Вова, новый знакомый, помогал как мог. В квартире он аккуратно снял с неё верхнюю одежду, напоил чаем и удалился, оставив телефонный номер. На всякий пожарный.

Утром голова всё ещё сильно болела, и Таня решила позвонить Вове. В голове вдруг всплыл срок – три дня, данный на выполнение задания.

Мысль, что всё приснилось, маячила где-то в глубине сознания, но Таня привыкла подвергать сомнению свои мысли. На основании опыта она совсем не доверяла внутреннему чутью. Слишком часто и нагло чутьё её обманывало.

Если человек, указанный ангелом, живёт по адресу, который, как фотография, всплывает, стоит только закрыть глаза, значит всё правда, и не надо ей никаких сорока трёх скучных лет выживания. Райский диванчик вполне удобен уже сейчас.

Задача, поставленная перед Таней, была проста с виду. Есть бабуля, по прошлом годе ей 90 стукнуло, и жизнь её прошла в трудах и заботах, почти праведница, а если были грешки, то незначительные и редкие.

В 1950-е глазки мужу подруги строила, подруга заметила – муж выволочку получил. В 1957-м своего сына Виталика наказала. Панталончики мокрые не сняла с мальчика. На ночь оставила мокренького. Писался часто, вот и решила проучить. Мальчик опрелости получил, но писаться перестал. Дело-то доброе вышло. Ну, старше стала, конечно, больше грехов проказливых. Детки соседские шумят, она им в песочницу кошачий «подарочек» положит и замаскирует. Сосед пьяный храпит так, что весь дом слышит, баба Клава письмо предупредительное в полицию пишет о том, что в квартире Иванова В.В. 50 человек гастарбайтеров одновременно проживают. Письмо она не подписывает, конечно, но в полиции знают авторский стиль бабуся. Тоже хорошее дело, настроение у полицейских поднимает. Пишет бабуся больно фантазийно, не заявление, а приключенческий рассказ.

Таким образом, дело шло к раю, но десять лет назад баба Клава всё испортила. Правнук её никак жениться не хотел, вот она в сердцах и сказала: «Пока невесту не увижу, на мои глаза не показывайся. Приведёшь девку в дом, тогда и умру спокойно».

Этими словами баба Клава подписала себе приговор. Не могут теперь перед ней врата рая распахнуть, если она свои слова назад не возьмёт.

Итак, Таня, дождавшись Вову с продуктами и лекарством, поохав и поругав горе-водителя, выпроводила Владимира за дверь. Правда, чаем всё же напоила.

Уходя, Вова пообещал вернуться вечером и проведать Татьяну.

Подождав полчаса, Таня оделась и вышла на дело. Боль в голове поутихла, и настроение поднялось. Приятно, когда ухаживают, пусть даже из страха или проснувшейся совести.

Заявленный объект, баба Клава, жил недалеко, так что найти дом труда не составило. Мало того, баба Клава сидела на скамейке рядом с домом и оценивала взглядом всех выходяще-входящих. Таня сразу поняла, что это она. Как будто свыше кто-то красную стрелку над головой бабушки проложил.

– Здравствуйте, не холодно вам? – поинтересовалась Таня.

– А тебе-то чего? – подозрительно спросила бабуся.

Таня начала самозабвенно врать:

– Я доктор геронтолог, вот сейчас диссертацию пишу о пожилых людях.

– Геронтолог – это тот, кто герани выращивает? А?

В этот момент Танька поняла, что бабка включила «дурку».

«Крепкий орешек! – подумала Таня. – Видимо, я не первая, кого сюда присылают».

– Ну, девка, ладно, некогда мне с тобой рассиживаться! – как будто прочла её мысли бабушка. – Ты откуда? – она указала пальцем вверх, на мрачное небо, с которого срывались и летели к земле редкие холодные капли дождя.

– Ты оттуда четвёртая за месяц! Пусть ждут! Ещё три сериала досмотреть надо. Тогда и решу, соглашаться на Царствие Небесное или ещё обождать чутка.

Бабушка, кряхтя, поднялась и пошла к подъезду шаткой походкой. Татьяна хотела идти следом, но поняла, что на сегодня миссия провалена.

Вечером Вова принёс торт.

Таня охала, но мужественно выдавливала из себя печальную улыбку.

– Голова всё болит, надо бы анализы завтра сдать. Не знаю, как доеду, наверное, такси возьму.

– Таня, не переживай, я приеду и отвезу тебя. Главное, чтобы ты выздоровела.

На следующий день Вова был у дома Тани за 15 минут до намеченного срока.

Пока Таня одевалась, он ждал в гостиной. Татьяна, как назло, выбрала платье с молнией на спине, без помощи Володи застегнуть её она не могла.

А потом ещё сапоги. Если так сильно голова болит, то натянуть длинные ботфорты, которые надевались последний раз два года назад, очень сложно. А ботфорты, можно сказать, лучшее, что случилось с Таней за последние пять лет!

Вообще, то, что Вова рядом, – дикое везение. Так Таня подумала, но вслух, конечно, не сказала.

В больнице сделали рентген и томограмму.

О результатах Таня не стала сильно распространяться, достаточно того, что она здесь по Вовиной милости.

После больницы Вова привёз её домой и поинтересовался, что купить на ужин.

Таня очень разнервничалась:

– Ужин, ужин, а смогу я его приготовить в таком состоянии?

– Может, в ресторан? – робко спросил Вова.

– Ну, не знаю. Приезжай к семи. Если будет совсем плохо, то пойдём кушать в ресторан, – рассудила Таня.

После Вовинога отъезда Таня опять направилась к бабе Клаве. У дома бабушки не было, поэтому Таня поднялась и позвонила в квартиру. За дверью шумел очередной сериал, слышались признания в любви. Баба Клава открыла дверь:

– Опять ты?

– Опять... – печально произнесла Таня.

В её голове крутилось несколько аргументов, но, увидев бабушку в туго завязанном под подбородком платке, который своим болотным цветом и сотнями пятнышек вопил, что вообще-то он бандана, Таня растерялась.

– Хлопок, – коротко произнесла бабушка, указывая на платок, – тянется и голове приятно. Ну, проходи, вместе телевизор посмотрим. Люди редко заходят. Только ваши, да иногда муж покойный... снится. У, окаянный, при жизни сколько кровушки попил! Не дождёшься! – она погрозила сухоньким кулачком стене, – я ещё туды из-за своо Яшки не спешу. Опять начнётся, то не так, это не этак. Сейчас я здесь отдыхаю, а там Людка-соседка за ним присматривает. Сам хвастался.

– Так, может быть, вы всё же передумаете или хоть обязательство с правнука снимете? Это грех ведь, человека родного видеть не хотеть! – Таня очень надеялась склонить бабушку к жалостливой ноте.

– Молода ты, девка! И говорить мне с тобой не о чем!

Вечером Таня сидела в ресторане с Вовой, который рассказывал ей всю свою жизнь. Слушая вполуха, Таня размышляла о том, что рай из-за рационализма бабы Клавы становится недостижим. Может, и Бог с раем? Вон, Вова какие дифирамбы поёт и глаз не сводит.

Ближе к ночи Тане стало очень плохо, Вова побоялся оставить её в таком состоянии и остался с ней до утра.

Утром принёс завтрак в постель и нежно поцеловал.

– Знаешь, я тебя сегодня кое с кем познакомить хочу.

– Хитра!.. – сказала баба Клава, увидев на пороге Таню, держащую за руку правнука Вовочку.

А Таня думала, что теперь надо отказаться от протекции бесполого... Хотя бы на сорок три года, пять месяцев и три дня.

Ночь музеев

Алина приехала к тетке в гости. Небольшой исконно русский городок на Волге, место красивое, природа замечательная. Май. Впереди целое лето. С тетей общение раньше не складывалось, но этой весной родственница очень настойчиво стала приглашать в гости, и Алина решила.

Все бы хорошо, только тетушка, женщина неугомонная и переживающая за то, что у девушки нет друзей, вечно искала для Алины развлечения. Поскольку Алине было семнадцать, а тетушке почти шестьдесят, представление об увеселительных мероприятиях у обеих было разное.

– Алинушка, смотри-ка, ночь музеев сегодня. И особняк судьи Грушевского в Дыбино будет открыт, – тетушка достала из почтового ящика местную газету и радостно сообщала помрачневшей Алине новости культуры.

– Его стоит посмотреть, там обстановка такая красивая. Жаль, добираться далеко, а то бы я с тобой поехала. Сядешь на электричку до станции Осуга, а оттуда до Дыбино три километра всего. Можно и пешком. Вот тебе и приключение будет. Глядишь, познакомишься с ровесниками. Да не бойся, места у нас спокойные.

Алина любила тетушку. К музеям она была равнодушна, но огорчать родственницу не хотела. Перспектива тащиться ночью по лесу совсем невеселая, но Алина не стала возражать.

Сойдя с электрички, девушка нашла указатель «Дыбино» и пошла в указанном направлении. Через пару минут ее нагнал мотоцикл. Длинноволосый парень в черной кожанке крикнул:

– Девушка, вас подвезти?

Алина засомневалась, но байкеры ей нравились. Чем не повод для знакомства?

– Если по пути. Я в музей-усадьбу иду.

– По пути. Других развлечений рядом больше нет. Я – Саша.

Здание музея располагалось в небольшом, но очень красивом особняке. Дом стоял на холме, окруженный парком. Место было уединенное и немного таинственное. Фасад, украшенный барельефом, и колонны по обеим сторонам придавали зданию помпезный вид.

Новый знакомый Алины заглушил мотоцикл совсем близко от входа. Табличка над массивной деревянной дверью гласила: «Музей-усадьба Т. В. Грушевского». Немного ниже на самой двери белый листок напоминал: «19 мая. Ночь музеев. Осмотр экспозиции с 24:00».

Посетителей, ожидающих открытия, было немного.

Ровно в полночь дверь, заскрипев, отворилась. Худенькая женщина с седыми волосами, убранными в толстую косу, свернутую в бублик на затылке, пригласила внутрь. Свет свечи в красивом бронзовом подсвечнике, которую она держала в руке, выхватывал из темноты картины, висящие на стенах, расстеленные на полу мягкие ковры делали шаги посетителей беззвучными.

– Прошу за мной. Уверена, сегодняшняя экскурсия будет незабываемой.

Посетители проследовали за женщиной в гостиную. Большая комната, освещенная множеством свечей, восхищала обстановкой. Массивный секретер с ножками в форме львиных голов был открыт. На нем лежали листок бумаги и перо, как будто хозяин только покинул комнату. В серванте искрился начищенный добела серебряный сервиз. Прекрасные вазы поражали позолотой. Пышный диван и расставленные кресла манили уставших посетителей присесть и отдохнуть. Овальное венецианское зеркало восхищало удивительным переплетением причудливого узора на раме. Пока все посетители оглядывали эти сокровища, Алина ежилась под взглядом мужчины, смотревшего на нее с портрета на стене. Властный взгляд, золотая цепь

и шикарные усы, переходящие в ухоженные бакенбарды, не оставляли сомнения, что это сам хозяин усадьбы.

– Итак, дорогие гости, – заговорила встретившая их женщина, – я смотрительница экспозиции. Сегодня я расскажу вам историю постройки этого чудесного дома. Верить или не верить в это – ваше право. Присаживайтесь, мои дорогие. Сегодня вы гости усадьбы.

Посетители застенчиво расселись на старинных креслах. Саша с Алиной сели рядом на диване и приготовились слушать. В большое французское окно, выходящее в парк, светила луна и отражалась в овальном зеркале. Алине вдруг почудилось, что где-то внутри зазеркалья мелькнула тень, но она посмеялась над этими страхами.

Смотрительница начала свой рассказ.

Терентий Вениаминович Грушевский давно мечтал построить особняк. Земля под усадьбу была куплена еще несколько лет назад. Но Терентий Вениаминович не мог найти подрядчика. Начинать он поискал весной, когда все бригады были уже при деле. Однако в морозном январе 1848 года он решил действовать наверняка. За месяц до этого он списался с артелью рабочих откуда-то с юга России и теперь ждал со дня на день весточки. Мастера должны были приехать для заключения договора.

Аккурат в канун Нового года пришло письмо с назначением встречи. Терентий Вениаминович запряг лошадку и выехал с утраца в соседний городок. Ехать следовало двадцать пять верст по лесистой местности. Встреча была назначена в рюмочной на окраине городка.

Терентий и трех верст не отъехал от дома, как сгустились снежные тучи над головой, поднялся ветер и началась метель. Он был не из тех людей, кто поворачивает оглобли, поэтому продолжил путь, плохо видя дорогу, но внутренне уповая на Бога и лошадку.

Лошадь фыркала и тащить бричку не хотела. Места Терентий Вениаминович не узнавал. Так бы он и блуждал по лесу, как вдруг понял, что рядом проходит русло реки Тухлянки. А Тухлянка впадает... Стало быть, если ехать по застывшему руслу, с пути уже не сбиться. Так он и сделал.

Прошло больше часа, а признаков города все еще не было. Очень хотелось пить. Терентий глазами искал прорубь, должно же где-то рыбу ловить местным мужикам. Наконец, он увидел припорошенные отверстия во льду.

Остановив сани и достав ковш, который всегда возил с собой, Терентий пошел к проруби. Но прорубь покрылась льдом. Пришлось взять топор и прорубать отверстие во льду заново. Как только образовалась пробоина, Терентий опустил ковш в воду, но тут же отпрянул. На него смотрели мутные глаза и свиное рыло. Перекрестившись и кинув ковш в снег от страха, Терентий запрыгнул в сани и погнал лошадку дальше, туда, где, по его мнению, мог находиться город.

– Что ж это делается? – рассуждал он вслух. – Так ведь и сгинуть недолго. Свиное рыло в реке, вот правду говорят, в святки вся нечисть из преисподней лезет. А я дорогу, видно, попутал. Города не видать. Если засну в снегах, эту ночь мне не пережить. Вот как морозец схватывает. А утром снега столько наметет, что и тело только по весне найдут. Хотел для семьи гнездо родовое обустроить. Чтобы дочь, а потом внуки-правнуки жили и радовались, а не тут-то было. Какому Богу молиться, чтобы вызволил?

Начало вечереть. Метель не утихала, и какова же была радость Терентия Вениаминовича, когда он заметил тусклый желтый свет подслеповатых крохотных окошек. Сердце радостно екнуло: «Господи, благодарю тебя. Вот рюмочная-то. Доехал с Божией помощью».

Накрыв лошадку попоной и наполнив торбу овсом: «Поешь, родимая!» – Терентий открыл дверь рюмочной. Почти все столики были заняты.

Людишки собрались здесь, конечно, мерзкие. Взять хоть бы двух отвратительных горбатых крючконосых старух-уборщиц, которые поставив рядом с собой большие метлы, похихикивали, разговаривая противными голосами. За другим столиком сидели, похоже, дети,

только лица у них были очень старые, и бородавки на них имелись. Свесив крохотные ножки с лавки, они быстро расправлялись с мясом, отщипывая куски короткими лоснящимися от жира пальцами. Кости кидали огромному черному псу, который, ошестинившись, проглатывал их налету. С белых клыков его оскаленной морды текла слюна. «Бешеный», – со страхом подумал Терентий Вениаминович. Выбрав столик подальше от собаки, он сел и подозвал бледную худую девушку-разносчицу, ее синее лицо не выражало никаких эмоций. Девушка вернулась с графинчиком анисовки, и Терентий Вениаминович, опрокинув первую рюмку, почувствовал тепло, которое волной разлилось по телу.

Одна мысль досадливо блуждала в голове: где же подрядчики? Неужели он проделал такой путь впустую?

Выпив еще пару рюмок и почувствовав, что на сердце полегчало, он продолжил оглядывать посетителей.

Напротив сидели трое. Косматые, с почти черной кожей, сухие и жилистые.

«Южане, – подумал Терентий, – на заработки приехали. Такие сделают работу быстро и возьмут недорого. Подойду потолкую, за спрос не бьют в нос».

– Приветствую, вижу, что издалека к нам.

Мужички закивали головами.

Терентий Вениаминович ободрено присел за столик без приглашения.

– Как там у вас, жарко, наверное?

Один из троих ответил за всех:

– Так вестимо, пекло! Сами от жары устали.

– Ну, тогда вам, значит, здесь хорошо. У нас работа аки отдых будет.

«Сговорюсь за дешево», – утвердился в мыслях Терентий Вениаминович.

– Так вы сюда, значит, по работе. А с людьми договор заключаете бумажный или на словах? – про себя же подумал, что письменный договор надежнее.

Тот из собеседников, который был покрупнее да понечесаннее, заинтересовался разговором:

– Так все от клиента зависит. С кем на словах, а с кем на бумаге, да и кровью подпись скрепляем.

Терентий поежился. Что за обычаи такие у этих южан. Кровью бумагу марать!

– Нет, мне вот обычной бумаги было бы достаточно. Я ж к вам со всей душой.

Троица приветливо закивала головами. Терентий Вениаминович продолжал:

– А людей-то много у вас под началом?

– Очень. Девать уже некуда, и все прибывают и прибывают.

Терентий радовался еще больше. Если такая безработица, значит будут за копейки работать.

– А инструменты есть? Без инструментов неудобно.

Мужики согласно закивали:

– В этом недостатка нет. Инструмент всегда под рукой.

Терентий Вениаминович понял, что эту бригаду надо заполучить во что бы то ни стало. Махнув бледной девушке, он заказал еще водки.

Мужики одобрительно загалдели. Когда графин был допит и все пришли еще в более доброе расположение духа, Терентий обратился к бледной девице:

– А есть ли у тебя тут бумага, душа моя?

Он долго водил пером, пытаясь припомнить все нюансы, которые полагается прописывать в договорах на постройку.

Наконец закончил.

– Ну-с, читайте и подписывайте. Кровью не надо, я вас умоляю. Достаточно крестика, если неграмотные.

Услышав слово «крестик», бригада отшатнулась от договора.

Собеседники удивленно забормотали между собой. Самый молодой из них подал голос:

– А девки будут?

Терентий Вениаминович, которому хотелось поскорее закончить это дело, буркнул в ответ:

– Есть девка, да не про вашу честь. Через десять лет приезжай, мала пока. Семь годиков только исполнилось.

Обмакнул пальцы в чернила, мужички припечатали их к месту, где уже Терентий Вениаминович поставил свою размашистую подпись.

Народ дивился быстрому строительству особняка, а Терентий нарадоваться не мог на строительную артель, которая начинала работу с заходом солнца и на восходе заканчивала.

Пить не пили, хулиганить не хулиганили.

Стены особняка росли с каждой ночью, и через месяц невероятным образом строительство было закончено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.